

Глава 5. Аромат в тени (Часть 1)

После пережитого шока Дуань Чанчуань постепенно пришел в себя.

Он с вызовом переспросил Юнь Се:

— С какой стати Бай Су кусать меня, пока я спал? Если меня кто-то укусил, разве я сам бы не заметил? Юнь-цин, по-моему, ты несешь полную чушь.

А сидевший напротив Юнь Се уже смеялся до умопомрачения:

— Ха-ха-ха, да-да, Ваше Величество правы, впредь ваш слуга будет куда осмотрительнее.

Уловив насмешку в его тонах, Дуань Чанчуань с досадой укорил его:

— Хватит, перестань подкалывать меня свадьбой, и без того тошно.

Затем он огляделся по сторонам и, понизив голос, спросил:

— Что слышно в последнее время при дворе? Каковы движения?

Услышав о деле, Юнь Се посерьезнел и произвел:

— Все то же самое. В окрестностях Хуайнана этим летом стояла засуха и жара, урожая не было совсем. А зимой ударили лютые морозы. Пережили эту зиму — и множество простолюдинов погибло от голода и холода. Из столицы обоз за обозом отправляли припасы, но сколько ни везли — все оседало в чьих-то карманах. Эта шайка продажных чиновников только и делает, что жирует за счет пайков, добытых потом и кровью простого народа. Толку от них никакого, так они еще и спасительное зерно расхищают — неужто не боятся небесной кары?

Чем дальше слушал Дуань Чанчуань, тем мрачнее становилось его лицо:

— Вуй еще два месяца назад отправил туда сановников с инспекцией. Проверяли целых два месяца, а ситуация не только ни капли не улучшилась, но и унесла еще больше жизней.

Юнь Се презрительно усмехнулся:

— Улучшилась? Еще вопрос, какую помощь они там оказывали. Недавно из Хуайнана поползли слухи, будто нынешний император вырос, и Регенту пора возвращать власть, а все эти внезапные стихийные бедствия происходят потому, что небеса недовольны. Ха, небеса? Да пошли они в задницу! Я, глава Сытяньцзяня, и то не знаю о недовольстве небес, откуда же

простому народу ведать об этом?

— Смена императрицы и без того подрубала мои крылья. Я думал... он лишь хочет вернуть власть так, чтобы мной было легче помыкать, но я никак не ожидал...

Это определенно кто-то подстроил намеренно.

Он никак не ожидал, что Регент вовсе не собирается возвращать власть.

— На самом деле эту беду легко разрушить, хватило бы одного слова от Сытяныцзяня, чтобы развеять слухи.

Пальцы Дуань Чанчуаня под рукавом невольно сжались.

Юноша опустил длинные ресницы, сильнее стискивая чайную пиалу.

— Я знаю, о чем ты думаешь, но правители во все времена поступали именно так. Иначе откуда бы взялось выражение: слава одного полководца — это горы костей? Лишь соскребя яд с костей, можно обрести эпоху процветания. Ну же, ты мужчина или кто? Тяжело — выпей.

Даже если народ и доведут до бунта чиновники, гнев обрушится на весь императорский двор в целом, а не будет точечно направлен на требование к Регенту вернуть власть.

Поразмыслив, Юнь Се просто взял кувшин и доверху налил ему чашу вина.

Стоило вспомнить о стольких простолюдинах, погибших из-за этой борьбы королевской семьи за власть, как Дуань Чанчуаня начинало давить в груди.

Простым людям порой поесть нечего, кому из них есть дело до политики?

Слухи не рождаются на пустом месте.

Затем Юнь Се неожиданно подался вперед, выронил из рукава медную пластинку и подмигнул ему:

— Все зависит от того, пожелает ли наш государь.

Если бы Регент не затягивал с самой глубокой зимы до ее конца, столько людей не стали бы страдать.

Этот прием оказался поистине омерзительным.

Помолчав немного, Дуань Чанчуань произвел:

— Так не удастся завоевать сердца народа.

Сказал Юнь Се.

Дуань Чанчуань кивнул:

— Угу. У Регента повсюду глаза и уши, каждый мой шаг под надзором. Лишь недавно выдалась свободная минута, только вот простых людей в Хуайнани бесконечно жаль...

Голос юноши звучал привычно мягко, но в то же время отчаянно бессильно.

Стоит слухам поползти, а Регенту — отказаться добровольно возвращать власть, как попытаться он надавить силой, и разве не превратится он в правителя, пренебрегающего жизнями народа ради собственной жажды власти?

Юнь Се привычно цыкнул языком и спрятал сияющую пластинку обратно:

— Ладно, судя по всему, у тебя уже есть план?

Юноша посмотрел на наполненную до краев чашу вина, выказывая нерешительность.

Подумав, он все же поднял ее и осушил до дна.

Осушив, тут же прикрыл рот рукой и зашелся кашлем:

— Кхе-кхе-кхе... Что за вино у тебя... кхе-кхе...

Он хотел сказать, что вино слишком крепкое, но из-за першения в горле не мог вымолвить и связного слова.

Юнь Се с трудом сдержал смех, извлек из рукава конверт и пододвинул его к нему.

Юноша с большим трудом справился с кашлем и спросил:

— Что это... кхе...

— Вести о девице из семьи Бай, которые я велел раздобыть. Эх ты, у тебя же жена наложницей заменена, почему тебе совсем неинтересно? Впрочем... кое-что в этих вестях расходится с тем, что ты говорил. На мой взгляд, характер императрицы сильно изменился, и неизвестно, не стало ли это следствием слишком сильного потрясения перед входом во дворец.

Дуань Чанчуань занес руку, собираясь распечатать конверт, но тут же замер и положил его обратно.

Юнь Се так рассмешил его жест, что тот прыснул со смеху:

— Что, все еще злишься на императрицу? Если смотреть не хочешь, возвращай назад. Как раз тут жаровня стоит, прямо в ней и сожгу.

С этими словами он сделал вид, будто собирается отнять письмо.

Юноша торопливо хлопнул по конверту ладонью — да так громко, что с ветвей испуганно вспорхнуло несколько птиц.

Продержав руку прижатой добрую половину минуты, он заметил, что собеседник вовсе не собирается ничего предпринимать, напротив — даже стол начал слегка дрожать.

Поздновато сообразив, что над ним просто посмеялись, он густо покраснел и поспешил оправдаться:

— Добыть эти сведения было нелегко, если сжечь их, разве это не обесценит труд людей, потративших столько сил?

Если ранить сердца подчиненных, как потом они будут верой и правдой служить Мне?

— Кхм... Я посмотрю.

Они проговорили в небольшом дворике так долго, что миновал час сы, и лишь после этого Дуань Чанчуань собрался уходить.

Во внутреннем кармане по-прежнему лежал конверт, отданный Юнь Се.

По дороге Чанлэ, согнувшись, доложил:

— Ваше Ветельство, матушка Вдовствующая императрица присылала людей с приглашением

пожаловать в западную теплую беседенку к трапезе. Вы женаты уже три дня, и матушка устраивает пир для многих знатных дам, во дворе даже возвели театральные подмости — говорят, после полудня будут давать представления.

Шаги Дуань Чанчуаня на мгновение замерли.

Он заранее знал, что после женитьбы пира не избежать, но не ожидал, что матушка пригласит еще и родственниц семьи Бай.

— Какая щедрость. Неужели она позвала даже вторую барышню из семьи Бай?

Второй барышней из семьи Бай звали законную дочь Бай Цзиньчжи. Теперь же, когда Бай Су взлетела до статуса законной дочери, Бай Цзиньчжи закономерно стала второй.

— Ваш слуга уже наводил справки: вторая барышня не явилась, госпожа Бай прибыла сама. Мать Ее Величества императрицы давно скончалась, на сей раз госпожа Бай выступает в роли материнского лица.

При упоминании нынешней императрицы юноша невольно нащупал конверт за пазухой.

[Девушка из семьи Бай сызмала лишилась матери и терпела притеснения от хозяйки дома. Характер у нее весьма робкий, но в самом Шэнцзине у нее есть возлюбленный, с которым они поклялись в верности друг другу — его зовут Линь Цин. Перед входом во дворец она противилась изо всех сил, учинила в резиденции премьер-министра грандиозный скандал, но в конце концов ее все равно отправили во дворец. Короче говоря, несчастная она.]

Вот что поведал ему Юнь Се перед уходом.

Дуань Чанчуань знал о способностях Юнь Се собирать информацию: раз уж тот что-то произнес вслух, это сущая правда.

По правде говоря, Дуань Чанчуаню давалось с большим трудом связать воедино обитающую во дворце Бай Су и ту девушку из семьи Бай, о которой рассказывал Юнь Се.

Но услышав о всех выпавших на ее долю испытаниях, он теперь испытывал сильное отвращение к визиту госпожи Бай в роли «матери императрицы».

Знает ли она об этом?

Разозлится ли, опечалится ли?

— Императрица все еще в покоях? — спросил Дуань Чанчуань.

— Так точно, Вдовствующая императрица отправляла за ней людей, а недавно велела передать слово, что берет все на себя и лично заберет ее к себе.

— Идем, навестим их.

— Слушаюсь.

Теплая беседенка, где жила Вдовствующая императрица, располагалась на юго-западе императорского города, как раз напротив Сытяньцзяня.

Дуань Чанчуань долго ехал в паланкине и добрался до Дворца Фэнси лишь в полдень.

Едва переступив порог и даже не успев объявить о своем прибытии, он услышал доносящийся изнутри звонкий смех.

— Что там происходит? — заглянув вовнутрь, спросил он стоявшего у входа стражника.

— Докладываю Вашему Величеству, это девица Дуань вернулась из Лянчэна в Сигуане и привезла много диковинных вещиц, Вдовствующей императрице очень понравилось.

Девица Дуань?..

Прокрутив в голове это прозвище, Дуань Чанчуань шагнул во двор под звуки докладывающего стражника.

Если память его не подводила, во всем Шэнцзине в Сигуане находилась лишь дочь Регена — Дуань Циньсюэ.

Ходили слухи, что с девяти лет она отправилась на Западную заставу к своему дяде и возвращалась лишь по праздникам.

— Да здравствует Ваше Величество!

Войдя во двор и услышав со всех сторон приветствия, Дуань Чанчуань только теперь заметил: двор был забит людьми.

Зимний мартовский ветер обжигал холодом, все кутались в плотные меховые плащи, а Вдовствующая императрица даже прижимала к груди грелку для рук.

И лишь в самом центре толпы стояла девушка в легкой одежде.

На ней был ладный синий шелковый наряд, а длинные волосы были собраны на макушке в конский хвост.

Она держала в руках пипа, ее лицо покраснелось, а капельки пота на лбу приклеили челку.

— Королевский сын, иди сюда! Циньсюэ исполняет для всех танец с пипа, да еще и играет на ней в обратную сторону, Айцзя в восторге.

Заметив приближение Дуань Чанчуаня, Вдовствующая императрица поманила его рукой.

Юноша сделал шаг вперед и почтительно произнес:

— Матушка.

Девушка тут же сунула пипа стоявшей рядом служанке и подбежала к нему.

Затем, сложив руки в кулак по-мужски, отрапортовала:

— Дуань Циньсюэ приветствует Ваше Величество, здравствуй, братец-император!

При взмахмах ее рукавов раздавался мелодичный звон маленьких колокольчиков на поясе.

Дуань Чанчуань еще не видал, чтобы девицы приветствовали его столь развязно, и остолбенел, прежде чем выдавить из себя:

— Освобождаю от этикета.

Девушка тут же с улыбкой выпрямилась:

— Благодарю, братец-император! Перед отправлением сюда отец наставлял меня, что в императорском дворце положено делать реверанс, иначе братец-император и матушка Вдовствующая императрица разгневаются. А я отвечаю: армейский мужской поклон — это тоже поклон, а коль братец-император — мудрый государь, он не станет придирааться. Только отец у меня упрямый, в такие годы все застарелых правил держится.

С этими словами она шагнула вперед, в мгновение ока сократив расстояние между ними.

— Какой братец красивый! Пробыв долго в Сигуане, я думала, что все мужчины там вонючие и грубые, точь-в-точь дядины воины!

Затем она шевельнула кончиком носа, принюхалась к воздуху, повела рукавом, обнюхала собственную одежду и забормотала себе под нос:

— Ух ты, как от него пахнет, по сравнению с ним от меня прямо разит...

Девушка изъяснялась излишне прямолинейно, и Дуань Чанчуань совсем растерялся.

Он поспешно стал осторожно нащупывать на поясе собственный мешочек с благовониями и незаметно отводить его за спину.

Внутри него бушевали бурные волны: Разве... разве можно вот так напрямую говорить подобное?

В растерянности он услышал донесшийся из-за дверей возглас:

— Прибыла Ее Величество императрица!

Тут он и заметил, что женщина, с которой они не виделись уже полдня, стоит прямо у входа.

На плечах ее красовался расшитый золотом плащ, а голову венчала фениксова корона. Пара узких прекрасных глаз скользнула по разделявшему их с девушкой промежутку в пол-аршина.

Встретившись с ней взглядом, он заметил слегка приподнятые уголки ее губ.

Когда крошечная девчонка едва ли не тыкала ему в лицо, разглядывая его в упор, Дуань Чанчуань не думал отступать.

Когда она заявила «как от тебя вкусно пахнет», он тоже не думал отступать.

Но стоило появиться ей — и разум еще не успел отдать приказ, как его ноги сами собой отступили на полшага назад.

Сам Дуань Чанчуань:.....???